

Александр Куханидзе

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9898-843X>

Тбилисский государственный университет им. Иване Джавахишвили, Грузия

Демократия и политическая трансформация в Грузии (1991–2018)

Демократия

1.1. Трудности современной либеральной демократии

В последние годы страны либеральной демократии захлестнула волна популистских и радикальных движений, а к высокому уровню миграции в Европейский Союз (ЕС) населения из развивающихся стран Азии, Африки и бывшего СССР добавился многомиллионный поток сирийских мигрантов. Несмотря на то, что значительная часть мигрантов является законопослушными гражданами, они привнесли на Запад свой образ жизни и поведения, который не всегда соответствует высоким принципам демократии. Наряду с мигрантами, в страны ЕС проникли и боевики из террористических организаций. Западная либеральная демократия подверглась ударам и испытанию со стороны пришельцев из недемократических стран. В результате, в странах Запада стали усиливаться популистские и радикальные националистические движения, возник кризис в ЕС, а Великобритания и вовсе решила его покинуть. Некоторые страны Центральной Европы отказались принимать беженцев из Сирии, а в политической теории появилось понятие *нелиберальной демократии*.

По сути, все западные политические режимы являются либеральными демократиями. Они отличаются друг от друга тем, кто является главой государства (президент или премьер-министр), типами избирательных систем, наличием однопалатных или двухпалатных парламентов, правами избирателей на референдумах и т.п. Но все они основаны на главных принципах демократии: представительном правлении, принципе разделения властей, свободе волеизъявления и правовом правлении. Во всех либеральных демократиях в центре внимания находится личность человека с его фундаментальными правами и ответственностью перед соблюдением прав других членов общества. Демократия как народовластие

не может не включать в себя политические свободы и фундаментальные права человека, и поэтому по своей сути она всегда является либеральной демократией.

Но какова суть «суверенной» и «нелиберальной» демократии и являются ли они вообще демократиями в современном смысле этого слова? Что такое «нелиберальная демократия» и чем она отличается от либеральной демократии? Впервые термин «нелиберальная демократия» был выдвинут американским политологом Фаридом Закария для обозначения демократически избранных режимов, лидеры которых затем усиливают свои позиции посредством проведения референдумов и принятия новых законов, выходят за конституционные границы их власти и лишают своих граждан основных прав и свобод. Но, при таком подходе, национал-социалистскую партию Адольфа Гитлера можно приписать с нелиберальным демократиям.

В бывших тоталитарных и авторитарных странах со слабыми демократическими институтами и гражданским обществом, а также низким уровнем политической культуры граждан, новые политические режимы, которые именуют себя демократиями, ставят под вопрос эффективность различных форм государственной организации. Они основывают свою политику на традиционных ценностях в противоположность либеральным ценностям, в которых либеральное государство должно уступить место нелиберальному государству. Альтернативные подходы нелиберальной демократии включают в себя: порядок, семью, религию, культ родины, мифологизацию прошлого, контроль над СМИ, особую роль армии и спецслужб, и даже восстановление смертной казни. Их политические лидеры используют в пропагандистских целях популизм в сочетании с методом «сильной руки» руководителя государства, стремятся поставить под контроль исполнительную власть (то есть под свой контроль) судебную систему как одну из ветвей власти, берут на себя прямой контроль над государственными средствами массовой информации и осуществляют преследование представителей политической оппозиции и нелояльных им видных общественных деятелей¹.

Политические лидеры, открыто выступающие за нелиберальную демократию, утверждают, что западные ценности, основанные на правах человека, уважении к меньшинствам, верховенстве закона и свободной торговле, теперь устарели, а европейская христианская демократия была сбита с пути либерализмом².

Фактически, они подводят свои страны под авторитарную модель государственного управления, существующую в России под управлением ее президента Владимира Путина, которую руководители последней называют «суверенной

¹ A. Puddington, *Breaking Down Democracy: Goals, Strategies, and Methods of Modern Authoritarians*, Freedom House Report, June 2017. Retrieved on September 14, 2018 from: https://freedomhouse.org/sites/default/files/June2017_FH_Report_Breaking_Down_Democracy.pdf

² *Prime Minister Viktor Orbán's Speech at the 25th Bálványos Summer Free University and Student Camp*, July 30, 2014. Retrieved on August 16, 2018 from: <http://www.kormany.hu/en/the-prime-minister/the-prime-minister-s-speeches/prime-minister-viktor-orban-s-speech-at-the-25th-balvanyos-summer-free-university-and-student-camp>

демократией». Термин «суверенная демократия» впервые был использован го-миндановским режимом Тайваня для обозначения его независимости от коммунистического Китая на основе демократического и многопартийного политического устройства. Однако, в России понятие «суверенная демократия» впервые было использовано заместителем руководителя Администрации президента России Владиславом Сурковым в 2006 году, и с тех пор получило практическую реализацию в виде политической системы с Единой Россией как доминирующей партией, наподобие КПСС в Советском Союзе³.

Советские руководители называли свой политический режим термином «социалистическая демократия», однако от этого он не перестал быть тоталитарной системой, основанной на отсутствии рыночной экономики и экономических свобод, подавлении личности и грубейших нарушениях фундаментальных прав человека. Термины «нелиберальная демократия», «суверенная демократия» или «социалистическая демократия» по сути являются формами словоблудия и лишь прикрывают собой различные формы авторитаризма или тоталитаризма и, несмотря на заявления их политических лидеров, не имеют ничего общего с принципами демократии и свободы личности.

По своей сути, нынешний кризис в странах либеральной демократии не является кризисом самой либеральной демократии, а лишь проявлением неподготовленности перед обрушившимися на нее огромными волнами мигрантов и беженцев, антизападной пропаганды и дезинформации, вмешательства в демократические выборы, террористических и хакерских атак, транснациональной организованной преступности, пришедших из недемократических стран, а также недостаточно высокого уровня демократической культуры у части граждан и их политических лидеров в странах Центральной Европы, которые в настоящее время являются членами ЕС. Негативная реакция граждан из западных стран на эти волны была вполне предсказуемой еще два десятилетия тому назад, однако открытость либеральных демократий и их направленность на заботу о человеке, в сочетании с характерными для нее медленными процедурами принятия решений в условиях расширения ЕС и пористости новых границ, привели к негативным последствиям, которые, однако, вполне преодолимы.

1.2. Демократизация

Демократизация в узком смысле – это политический, социальный и экономический процесс перехода общества от диктатуры к демократии, а в широком – переход от менее демократического правления к более демократическому. В мире нет ни одной страны с идеальной демократией, так как нет вообще ничего идеально-го в политической практике, а иначе процесс развития просто остановился бы. Но, с точки зрения нормативного подхода, есть теоретический идеал демократии,

³ Суверенная демократия, Политология. Словарь. Вебсайт: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/politology/2793/Суверенная> (Просмотрено 16 августа 2018 года).

к которому стремятся практически все страны, провозгласившие в качестве политической цели общественное устройство, основанное на народовластии.

В современной теории демократизации особое место занимают работы Фрэнсиса Фукуямы, в частности работа «Конец истории и последний человек», в которой он пишет о нарастании либеральной демократии как конечной формы человеческого правления и как глобальной тенденции развития человеческого общества после Второй мировой войны. Однако, проведение либеральных реформ не везде оказалось успешным с точки зрения демократизации. По мнению Фукуямы, «существует некоторая Универсальная История, ведущая в сторону либеральной демократии. Существование на этом пути пиков и провалов неопровержимо. Но видеть в поражении либеральной демократии в любой конкретной стране или в целом регионе свидетельство общей слабости демократии – это признак серьезной зашоренности взгляда. Циклы и разрывы сами по себе не противоречат истории как универсальному и направленному процессу, точно так же, как существование экономических циклов не опровергает возможность долговременного экономического роста»⁴.

В работе Самюэля Хантингтона «Третья волна» указывается на три волны демократизации, которые произошли в истории⁵. Первая волна привела к возникновению в XIX веке демократий в Западной Европе и Северной Америке, временному спаду в виде диктатур в период между двумя мировыми войнами. Вторая волна началась после Второй мировой войны, но замедлилась в 1960-е и 1970-е годы. Третья волна демократизации началась в 1970-е годы в Латинской Америке, а в 1980-е и в бывшем Восточном блоке, включая Советский Союз и, в частности, Грузию. Три волны демократизации затронули и Ближний Восток, который был частью Османской империи, рухнувшей к концу Первой мировой войны в результате экспансии европейских держав и внутренних кризисов, приведших в конечном итоге к созданию современной Турецкой республики как светского государства. Правильная комбинация внешних и внутренних факторов имеет важное значение с точки зрения их влияния на процессы демократизации. Иначе говоря, импорт демократии в развивающиеся страны не даст результатов, если в них самих не созрели условия, при которых подавляющее большинство населения не устремляет свои взоры в сторону демократии как политического идеала в устройстве данного общества. И наоборот, процессы демократизации являются наиболее эффективными в тех обществах, в которых политические элиты и подавляющее большинство населения используют помощь развитых демократических государств и их международных организаций.

⁴ F. Fukuyama, *History Is Still Going Our Way*, „The Wall Street Journal”, October 5, 2001. Retrieved on October 19, 2018 from: http://englishmatters.gmu.edu/issue6/911exhibit/emails/fukuyama_wsj.htm

⁵ См.: S. Huntington, *Democratization in the Late 20th century*, Norman: University of Oklahoma Press, 1991.

После террористического акта 11 сентября 2001 года некоторые политологи поставили под сомнение правоту идей Фукуямы о торжестве либеральной демократии и конце истории. В частности, американские политологи Джордж Уилл и Фарид Закария утверждали, что история вернулась из отпуска и наступил конец конца истории. В ответ Фукуяма ответил, что он ссылался на прогресс человечества на протяжении веков в сторону современности, характеризующийся такими институтами, как либеральная демократия и капитализм, а его наблюдение, сделанное еще в 1989 году накануне краха коммунизма, состояло в том, что если мы смотрим за пределы либеральной демократии и рынков, то не видим ничего другого, от чего мы могли бы ожидать принципиально более прогрессивного состояния общества; следовательно, был конец истории. Было трудно найти иной кроме демократии жизнеспособный альтернативный тип цивилизации, в котором люди действительно хотели бы жить после дискредитации социализма, монархии, фашизма и других типов авторитарного правления. Сомнение в правоте Фукуямы наиболее четко сформулировано Самюэлем Хантингтоном, который утверждал, что, вместо того, чтобы продвигаться к единой глобальной системе, мир погряз в «столкновении цивилизаций», в котором шесть или семь основных культурных групп будут сосуществовать без сближения и станут новыми линиями разделения в глобальном конфликте. Главный вопрос, поднятый Самюэлем Хантингтоном, по мнению Фукуямы, заключается в том, будут ли институты современности, такие как либеральная демократия и свободные рынки, работать только на Западе, или же есть в них что-то более широкое, которое позволит им продвигаться вперед в незападных обществах⁶. Фукуяма считает, что современная либеральная демократия не может быть разрушена террористическими актами, и она со временем будет расширяться как доминирующий организационный принцип для большей части мира⁷.

Либеральная демократия и свободные рынки не работают во все времена и повсюду. Они лучше всего работают в обществах с определенными ценностями, которые имеют определенную культурную основу для этого. И хотя современная либеральная демократия появилась на христианском Западе, универсализм демократических прав позволяет им продвигаться вперед в незападных обществах. Доказательство заключается в прогрессе, достигнутом демократией и свободными рынками в таких регионах, как Япония, Южная Корея, Южно-Африканская Республика, Индия или миллионы иммигрантов из третьего мира, которые хотят жить в западных обществах и ассимилироваться с западными ценностями. Поток людей, движущихся в противоположном направлении, крайне мал. Но, с другой стороны, считает Фукуяма, из всех современных культурных систем исламский мир имеет наименьшее количество демократий

⁶ F. Fukuyama, *History Is Still Going Our Way*, „The Wall Street Journal”, October 5, 2001. Retrieved on October 19, 2018 from: http://englishmatters.gmu.edu/issue6/911exhibit/emails/fukuyama_wsj.htm

⁷ *Ibidem*.

(только одна Турция) и не содержит стран, которые перешли от статуса третьего к первому миру⁸.

По мнению Фукуямы, мы остаемся в конце истории, потому что есть только одна система, которая будет продолжать доминировать в мировой политике – это либерально-демократический Запад. В постисторическом мире будут продолжаться борьба с терроризмом и национально-освободительные войны, однако, это не столкновение нескольких разных и равных культур, борющихся между собой, как великие державы Европы XIX века, а серия ответных действий обществ, традиционное существование которых находится под угрозой модернизации, и сила реакции господствующих элит отражает серьезность этой угрозы. Правота этих взглядов Фукуямы особенно ясно прослеживается на примере современного конфликта между Западом и авторитарной верхушкой российского руководства⁹.

В последние годы в мире произошли события, в связи с которыми политические аналитики заговорили о кризисе либеральной демократии. Сам Фукуяма признал, что двадцать пять лет назад у него не было понимания или теории о том, как демократические страны могут отступить¹⁰.

В 2008 году западная международная финансовая система оказалась в глубоком финансовом кризисе, стали набирать силу такие крупные авторитарные государства, как Россия и Китай, Западную Европу захлестнула волна незаконной миграции и транснациональной преступности из Азии, Африки, а так же бывших СССР и Югославии, к последним добавилась еще более мощная волна сирийских беженцев. В результате, ответная волна национализма и крайне правых движений в странах Западной Европы и Северной Америки привела к обострению политической ситуации в этих странах. Во Франции усилилось влияние радикальных националистов во главе с их лидером Мари Ле Пен, в Германии – ультранационалистической партии Альтернатива для Германии, в Великобритании результаты референдума привели к так называемому «Брекситу», а в Соединенных Штатах сомнительную победу одержал Дональд Трамп. Политика популизма оказалась востребованной в этих странах. На фоне этих событий перспективы расширения либеральной демократии посредством институтов Европейского Союза и политики глобализации оказались под угрозой и под огнем критики со стороны крайне правых политических сил. В таких странах Центральной Европы, как Венгрия, политическое руководство открыто выступило к критикой либерализма и защитой нелиберальной демократии. Все это приводит к медленной эрозии и компрометации демократических институтов,

⁸ *Ibidem.*

⁹ *Ibidem.*

¹⁰ I. Tharoor, *The man who declared the 'end of history' fears for democracy's future*, "The Washington Post", February 9, 2017. Retrieved on October 3, 2018 from: https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2017/02/09/the-man-who-declared-the-end-of-history-fears-for-democracys-future/?utm_term=.3b8db6304e1f

ослаблению демократических норм в развитых демократиях, а так же, к усилению авторитарных тенденций и политической коррупции в тех развивающихся странах, которые встали на путь демократизации, особенно это касается независимости судебной системы, контроля над средствами массовой информации и преследования политической оппозиции. В свою очередь, это вызывает падение легитимности избранных правительств, поляризацию и напряженность между основными политическими силами, а в развивающихся странах так же и нарастание возможности вооруженных конфликтов.

Однако, современный кризис в странах либеральной демократии можно рассматривать и с точки зрения момента турбулентности в ее истории, который вовсе не означает, что наступили конец демократии и торжество авторитаризма. В свое время, нацизм и большевизм нанесли серьезный удар по либеральной демократии, однако последняя победила. Победит и на этот раз, так как демократия намного более глобальна по масштабам и влиянию, чем любое из вышеперечисленных кризисных явлений, а само слово «демократия» является символом свободного развития человека в свободном обществе.

Политическая трансформация в Грузии

2.1. Грузия: демократия или клептократия?

Одним из государств, вставших на путь демократизации, является Грузия, современная политическая история которой превратилась в тяжелое испытание для ее народа, уходя корнями в многовековую историю войн и выживания. Исторические факты оказали важное влияние на современную реальную политику Грузии, поэтому понимание того, на каком этапе она находится с точки зрения демократии и безопасности, невозможно без хотя бы краткого анализа истории ее становления как самостоятельного государства. Несмотря на современный кризис в странах либеральной демократии и критику Европейского Союза, исходящую от самих его государств-членов, Грузия непоколебимо стоит на позициях европейской и евро-атлантической интеграции, ставя в качестве конечной цели полное вхождение в Европейский Союз и НАТО. В 2018 году 72 процента граждан Грузии поддерживали вступление в ЕС и 64 процента – в НАТО¹¹.

Исключая страны Балтии, среди бывших республик СССР Грузия рассматривается в ЕС и НАТО в качестве наиболее успешной страны с точки зрения европейской и евро-атлантической интеграции, а ее гражданам с 2017 года предоставлен безвизовый режим со странами Шенгенской зоны. Однако, важно понимание того, что же получил ЕС в результате многолетней и многомиллиардной помощи Грузии – свободную и демократическую страну или олигархическое правление мафиозного типа?

¹¹ NDI polls: 72% of Georgians approve EU membership, 64%-NATO, Information Agency Agenda.ge, 16 Jan 2018. Retrieved on October 10, 2018 from: <http://agenda.ge/en/news/2018/95>

После распада Советского Союза Грузия столкнулась с серьезными препятствиями на пути демократизации. Пройдя через кровавые гражданские конфликты и нашествие российской армии в 2008 году, страна провела радикальные реформы государственного управления и встала на путь европейской и евроатлантической интеграции. Однако, начиная с 2013 года, Грузия постепенно скатывается к олигархически-мафиозному стилю правления. Эта проблема касается не только внутренней политики Грузии, но и безопасности всего Черноморского региона, доминирования России на Южном Кавказе и влияния Запада на будущность Грузии как успешной модели демократизации.

Две главные политические силы страны – «Единое Национальное Движение» и «Грузинская Мечта» обвиняют друг друга в нарушении принципов демократии и, прежде всего, прав человека, насилии, фальсификации президентских, парламентских и местных выборов, дезинформации, популизме и иных грехах.

В связи с вышеизложенным, возникает необходимость систематического анализа процесса политической трансформации и состояния демократии в Грузии в период после распада Советского Союза в декабре 1991 года, вплоть до президентских выборов 2018 года. Это поможет понять главные проблемы и препятствия, которые задерживают процесс ее европейской интеграции на современном этапе. Очень важно понять исторические условия, приведшие Грузию на путь европейской и евроатлантической интеграции.

2.2. Восстановление Грузии как независимого государства

Сформировавшееся в период советской перестройки национально-освободительное движение Грузии постоянно апеллировало к истории аннексии Грузии со стороны Российской Империи и Советской России, поэтому в качестве логического требования выдвигалась идея восстановления независимости Грузии. Три главных исторических события определяли тогда характер национально-освободительного движения и политических процессов в Грузии:

1. Нарушение царской Россией Георгиевского Трактата 1783 года, подписанного между Екатериной Второй, царицей России, и Ираклием Вторым, царем Картли-Кахетинского царства, и предполагавшего переход этого царства под покровительство России, при сохранении государственной независимости, но закончившееся аннексией этой части Грузии в 1801 году. Другие регионы Грузии, такие как Имеретинское и Абхазское царства оказали российским войскам вооруженное сопротивление. Особенно упорным было сопротивление Абхазского царства, в результате чего российские войска провели там этническую чистку и сегодня в Турции проживает больше абхазов, чем в самой Абхазии. Шаг за шагом, вся Грузия оказалась завоеванной и аннексированной Россией. Это был первый нарратив в интерпретации национально-освободительного движения в пользу восстановления независимости Грузии.

2. В результате большевистской революции 1917 года и распада Российской Империи Грузия в 1918 году смогла провозгласить восстановление независимости, а 7 мая 1920 года ее меньшевистское социал-демократическое правительство подписало договор с Советской Россией о взаимном признании независимости. Однако, в нарушение этого Договора, в феврале 1921 года войска Красной Армии вторглись на территорию Грузии и аннексировали ее, подписав позднее с Кемалистской Турцией Карский Договор о разделе территории Грузии. Это был второй нарратив в интерпретации национально-освободительного движения в пользу восстановления независимости Грузии.
3. Как одна из древнейших православных религий, Грузия приняла христианство в первой половине четвертого века, на пять веков раньше России, но в результате аннексии она потеряла автокефалию и была насильственно присоединена к Русской православной церкви. Это был третий нарратив в пользу восстановления государственной и конфессиональной независимости.
4. Со времен Древней Греции, Древнего Рима, Византийской Империи и в результате прямых отношений с Европой Грузия всегда была частью европейской цивилизации, поэтому в современных условиях ее главная стратегия – европейская интеграция. Это был четвертый нарратив национально-освободительного движения.

Начавшиеся с 1988 года митинги и демонстрации с требованием восстановления независимости, привели к трагедии 9 апреля 1989 года, когда советские войска разогнали перманентный митинг на проспекте Руставели, при этом зверски убив двадцать молодых людей, в основном девушек. Это событие оказалось краеугольным камнем, определившим направление политической трансформации Грузии после распада СССР – отход от авторитарной России и сближение с демократическим Западом. В результате, через полтора года после этой трагедии, Звиад Гамсахурдиа, бывший диссидент, один из главных организаторов митинга и руководитель политической коалиции «Круглый Стол», был избран первым президентом независимой Грузии.

2.3. Грузия при президенте Звиаде Гамсахурдиа (1990–1992)

Когда в 1990 и 1991 годах грузинские избиратели голосовали за кандидата в президенты, бывшего диссидента Звиادا Гамсахурдиа, то наивно предполагали, что стоит им только сбросить ярмо коммунизма, как они заживут счастливо как на Западе. Но вскоре после выборов ситуация в стране оказалась прямо противоположной: массовая безработица, внезапно нагрянувшая нищета и маргинализация огромного большинства населения. Советский коллапс привел не только к политической, но и к экономической катастрофе в условиях все нарастающей дестабилизации, хаоса, национализма и межэтнических противоречий по поводу будущего политического устройства на пост-советских территориях. В Гру-

зии, с ее компактно проживающими этническими меньшинствами, это проявлялось особенно четко. Распад государственных структур и деморализация правоохранительной системы, расползание оружия Советской армии и начавшиеся вооруженные этнополитические конфликты создали все условия для широкомасштабной криминализации в стране. Получив вместо демократизации и западного уровня жизни хаос, тогда еще мало кто знал, как надо переходить от тоталитаризма к демократии и выходить из того глубочайшего и тотального кризиса, в котором оказалась Грузия в результате целого ряда ошибок, преступлений и политического дилетантизма как в Кремле, так и в Тбилиси, Сухуми и Цхинвали.

Политическая оппозиция обвиняла Гамсахурдиа в попытке создать новый авторитарный режим, а в ответ слышались обвинения в заговоре криминальной красной интеллигенции как агентов Кремля и КГБ и отказ от ведения с ней переговоров. Мало кто понимал тогда, что политика есть искусство компромиссов. Это противостояние привело к вооруженному гражданскому конфликту в Тбилиси в декабре 1991 – январе 1992 годов. За две недели боев в столице погибло более ста молодых людей, а криминализация с этого времени стала массово, быстро и открыто разрастаться. В считанные дни Тбилиси и регионы Грузии захлестнула волна бандитизма, а спрос на оружие приводил к многократным нападениям на российских военнослужащих и грузинских полицейских. Но чаще всего полувоенные и полукриминальные грузинские группировки входили в преступный сговор с российскими офицерами и покупали у них оружие. В течение нескольких недель банды разрослись до размеров микроармий. Вооруженная пистолетами грузинская полиция оказалась бессильной перед волной преступности, а безопасность населения была брошена на произвол судьбы. Полувоенные и чисто криминальные вооруженные формирования состояли из плохо обученных и мало дисциплинированных добровольцев, по феодальному принципу объединенных вокруг своих лидеров и подчиняющихся только им. Если перед ними ставились политические задачи, то их исполнение, как правило, сопровождалось мародерством, чем особенно отличалась группировка «Мхедриони», которую неоднократно посылали в западную Грузию на подавление сторонников Звиада Гамсахурдиа и которая параллельно занималась грабежами населения. Лидер этой группировки, Джаба Иоселиани, в 1950-х годах участвовал в вооруженных ограблениях квартир в Ленинграде, являлся профессиональным преступником (вором в законе), за что много лет сидел в советских тюрьмах. Тенгиз Китовани, другой организатор переворота против президента Грузии, также имел криминальное прошлое. Оба, вместе с бывшим премьер-министром Тенгизом Сигуа, после переворота создали Военный Совет, а позже назначили Темура Хачишвили, члена «Мхедриони», на пост министра внутренних дел Грузии. Вскоре Хачишвили организовал убийство влиятельного среди демократической общественности руководителя Национально-демократической партии Гии Чантурии. Наиболее губительной была криминализация полиции и нелегитимный

Военный Совет не смог справиться с воцарившимся в стране беспределом. Для спасения ситуации из Москвы был приглашен Эдуард Шеварднадзе, который после советского коллапса сидел в своей московской квартире без работы и роль которого в перевороте против Гамсахурдиа до сих пор неясна. Самым пагубным результатом государственного переворота оказалась антагонистический раскол грузинского общества на сторонников Звиада Гамсахурдиа (звиадистов) и его противников, которые называли себя демократами. Демократы, однако, вели себя далеко не демократично, а в глазах «звиадистов» термин *демократия* стал словом нарицательным и их называли путчистами. О каких-либо демократических или экономических реформах не было и речи, термин *демократизация* был просто незнаком, вместо этого страна получила тотальную криминализацию.

2.4. Союз криминалов и партийной номенклатуры в Грузии (1992–1995)

Созданный после переворота Военный Совет не смог справиться с воцарившимся хаосом и агонией в обществе и пригласил на пост руководителя Грузии последнего министра иностранных дел СССР Эдуарда Шеварднадзе, который прибыл в Тбилиси в марте 1992 года, после чего Военный Совет был преобразован в Государственный Совет, председателем которого он стал. Так представители бывшей советской номенклатуры и криминального мира начали сотрудничество в нелегитимном центральном органе государственного управления, так как никто из них не был избран демократическим путем. Влияние Шеварднадзе заключалось в его международном авторитете и политическом опыте, в то время как остальные двое имели ощутимую военную силу. Обе силы нуждались друг в друге в борьбе против единого внутреннего врага – сторонников экс-президента Звиада Гамсахурдиа. Шеварднадзе активно использовал военизированные формирования Иоселиани и Китовани против вооруженных отрядов экс-президента в западной Грузии. Эти «крестовые» походы, как называли их в народе, сопровождалась мародерством, насилием, грабежами и убийствами. Позже, когда вооруженный конфликт начался в Абхазии, эти формирования воевали и участвовали в грабежах местного населения, ведь Абхазия была самым роскошным регионом бывшего Советского Союза, так называемой советской Ривьерой. Подобным образом вели себя и абхазские вооруженные группы, когда селились в захваченных домах этнических грузин.

Несмотря на поражение грузинских вооруженных формирований в Абхазии, эта война помогла Шеварднадзе переключить грузинское общественное мнение на Россию и сепаратистов, а также нанести военное и идеологическое поражение «звиадистам». «Мхедриони» и «Гвардия» выполнили поставленные задачи и после окончания вооруженного конфликта Шеварднадзе в них более не нуждался. Оба лидера этих формирований под различными предлогами были посажены в тюрьму, а «Мхедриони» распущен в 1995 году. Параллельно Шеварднадзе удалось провести парламентские выборы 1992 года и стать Главой государства и председателем Парламента Грузии, укрепить полицию, создать правитель-

ственные войска и назначить на ключевые правительственные должности своих бывших коллег – представителей партийной, советской и комсомольской номенклатуры – людей, с которыми он многие годы работал вместе. «Номенклатура» восстановила свое влияние и власть, те же люди вернулись в свои кабинеты, но вместо коммунистической риторики они теперь использовали демократическую или националистическую риторику. Но две вещи остались прежними – их умение расхищать государственные деньги и двойные стандарты поведения.

«Воры в законе», которых сегодня на Западе называют боссами грузинской мафии, еще с 1960-х годов имели коррупционные связи с советской и коммунистической номенклатурой и правоохранительными структурами. В 1990-х они активно проникали в экономику страны, участвовали в приватизации и отмывании денег, контролировали рынки, малый бизнес и контрабанду. Этот контроль осуществлялся при сотрудничестве с полицией, также сильно деморализованной в тот период в результате проникновения в ее ряды преступных и коррумпированных элементов. Нарушения прав человека, пытки, незаконные аресты, вымогательство денег у бизнесменов и водителей автомобилей, взяточничество, фальсификации результатов расследований, прямое участие в преступлениях и даже убийства были обычной практикой в полиции того времени.

Криминализация политики тоже была характерным явлением в 1991-2003 годы и это проявлялось, в основном, в форме незаконного и несправедливого перераспределения государственной собственности путем ваучеризации, приватизации и аукционов, хищений средств, выделяемых в помощь Грузии западными донорами, невиданных масштабов коррупции и прямого сращивания с профессиональными криминальными группами, в первую очередь, связанными с контрабандой различных товаров через плохо охраняемые границы Грузии¹².

Несмотря на все эти негативные факторы, с 1992 года начинается открытие посольств западных стран в Грузии и деятельность международных организаций, с помощью которых в стране появляются первые местные неправительственные организации и укрепляются независимые средства массовой информации. Молодой гражданский сектор Грузии предпринимает первые шаги, направленные на гражданский контроль власти и мирное разрешение конфликтов. Как руководитель государства, Шеварднадзе оказывается зажатым между двух огней – с одной стороны, вернувшаяся к власти коррумпированная и перешедшая в сферу частного бизнеса бывшая советская и партийная номенклатура, а с другой – западные посольства, международные организации и финансируемый ими местный гражданский сектор. Слабостью Шеварднадзе и его окружения было то, что из-за поддержки Россией абхазского и осетинского сепаратизма Грузия имела с ней напряженные отношения, но не имела, подобно соседнему Азербайджану,

¹² A. Kukhianidze, A. Kupatadze, R. Gotsiridze, *Smuggling Through Abkhazia and Tskhinvali Region of Georgia*, Tbilisi: TraCCC-Caucas Office, 2004, p. 35.

нефти и газа в целях самостоятельного финансового обеспечения своей власти. Поэтому правительство нуждалось в деньгах, которые поступали в Грузию от западных доноров, но при условии демократизации. Благотворное влияние Запада на Грузию в целом способствовало ее становлению как страны, ориентированной на европейскую интеграцию и тем самым, совпадало с многолетними попытками общества вырваться из-под контроля авторитарной России и влиться с семью развитых европейских либеральных демократий. Теперь эти попытки стали перерастать в многогранную профессиональную систематическую работу по демократизации политических процессов в Грузии.

Таким образом, с 1992 года в Грузии стали нарастать две противоположные и противоборствующие тенденции: криминализация и демократизация.

С одной стороны, постоянное ухудшение состояния экономики, внешний долг, достигавший почти двух миллиардов долларов США, повторяющиеся секвестры государственного бюджета, который к 2003 году составлял приблизительно шестьсот миллионов в долларах США, упадок морали, социальный пессимизм и повторяющиеся фальсификации со стороны властей президентских и парламентских выборов, а с другой – усиливающаяся критика властей и разоблачение гражданским сектором многочисленных крупных коррупционных скандалов привели к глубокому политическому кризису и смене власти в результате Революции Роз в ноябре 2003 года.

2.5. Революция Роз, реформы провалы в демократизации (2003–2018)

После Революции Роз в стране нужна была сильная президентская власть для того, чтобы эффективно бороться против всеобъемлющей коррупции и организованной преступности, за проведение радикальных реформ и создание современного европейского государства, основанного на принципах либеральной демократии.

Можно согласиться с мнением, что «цветные» революции – не самый лучший способ развития общества, если есть возможности для эволюционного демократического пути. Революция 1917 года и ее последствия в виде репрессий и массовых убийств оставили настолько глубокие раны в сознании людей, что, спустя почти век, о ней вспоминают с содроганием. Революции, правда, бывают не только кровавые, коммунистические, но и антикоррупционные, бархатные. События, произошедшие в 2003 году в Грузии, имели глобальный резонанс и были неоднозначно восприняты в разных регионах планеты. С самого начала руководство Европейского Союза, Соединенных Штатов Америки и России приветствовало Революцию Роз в Грузии, хотя позже отношение к ней в России трансформировалось в сторону негативных оценок. При этом, основная вина за «цветные революции» стала возлагаться на силы, которые в ней участвовали или помогали, оставляя в тени тех, кто довел состояние дел в государстве до революционной ситуации. Тем самым, были предприняты попытки завуалировать истинные причины постсоветских революций: «захват» государства криминаль-

ными кланами, сращивание коррумпированных политических и правоохранительных структур с криминальным миром, ограничения демократических свобод и массовая фальсификация выборов в целях удержания власти. В конечном итоге, именно эти причины приводят к глубокому политическому и экономическому кризису в обществе, оставляя обманутым избирателям единственный способ изменения ситуации – выйти на улицы и требовать отставки находящихся у власти политико-криминальных группировок, а также свободных и справедливых выборов. Революционные лидеры – это лишь результат кризисов, они могут направлять движение протестующего народа, но не могут повернуть его вспять, тем более не могут этого сделать ни США, ни Джордж Сорос. Соответственно, революционные лидеры, а также помощь Запада не нужны там, где успешно развивается демократия и рыночная экономика, а правительство проводит эффективную политику в интересах широких слоев населения. На этот главный аспект «цветных» революций российские критики не обращают внимания. Очевидно, что ирония в оценке «цветных» революций выгодна тем коррумпированным и криминальным кланам, которые опасаются потерять власть, удерживаемую ими недемократическим путем.

В отличие от этого, положительные оценки грузинской Революции Роз со стороны США и ЕС сохранились благодаря тому, что эта революция принесла широкомасштабные реформы, резкий рост бюджетных поступлений и быстрое восстановление полуразрушенной инфраструктуры в стране. Грузия достигла успехов в борьбе с коррупцией и контрабандой, сборе налогов, своевременной выплате пенсий и зарплат, положительных макроэкономических изменениях, реинтеграции автономной республики Аджария в экономическую, социальную и административную систему Грузии, восстановлении доверия к Грузии со стороны доноров. Революция Роз оказала также успешное влияние и на борьбу с транснациональной преступностью и коррупцией.

Перемены к лучшему бросались в глаза любому, кто видел Грузию до 2003 года, а проводимые реформы были осуществлены жестко, в форме шоковой терапии. Однако, несмотря на свою эффективность с точки зрения оптимизации государственного управления, реформы начали проводиться без разработки серьезных программ социальной реабилитации уволенных сотрудников, что вызвало недовольство среди части населения. Основной проблемой, с которой столкнулась Грузия, была необходимость укрепления правового правления, в первую очередь, независимости судебной системы – от этого прямо зависит состояние прав человека, и борьба с коррупцией и криминалом в стране, а также размеры инвестиций, развитие бизнеса и создание новых рабочих мест, но этого не было сделано.

Реформирование системы правоохранительных органов стало одним из центральных звеньев в процессе оптимизации государственного управления. Оно затронуло все структуры: прокуратуру, полицию, пограничную службу, суды, пенитенциарную систему, финансовую полицию в составе Министерства

финансов. Реформа была осуществлена комплексно и предполагала модернизацию как нормативной базы, так и структурную реорганизацию, кадровую политику и материально-техническое обеспечение. Но все эти реформированные структуры оставались под контролем правящей политической группы и не были деполитизированы при принятии своих решений.

Существенную помощь в реформировании правоохранительной системы Грузии оказали Соединенные Штаты Америки и Европейский Союз, через проекты с участием международных экспертов, которые проводили тренинги, помогали грузинским экспертам работать над новым законодательством, осуществлять структурную реорганизацию, внедрять систему открытых конкурсов на замещение вакантных должностей или решать вопросы материально-технического снабжения.

Вместо насквозь коррумпированной дорожной полиции была создана совершенно новая служба – патрульная полиция западного типа, прием в ряды которой осуществлялся на конкурсной основе, в основном из числа молодежи. Большое внимание было уделено повышению зарплат и созданию современной материально-технической базы – ремонту полицейских участков, установке современного оборудования, средств связи, полицейской формы нового образца, приобретению новых полицейских автомобилей и табельного оружия. Население стало с доверием относиться к патрульной полиции.

Комплексная реформа образования, как и в примере с дорожной и патрульной полицией, привела к замене старой, насквозь прогнившей от коррупции советской системы приема в вузы новой системой сдачи единого национального экзамена. В июле 2005 и 2006 годов впервые были проведены приемы молодежи в университеты Грузии по новой системе, которая по результатам оказалась прорывом в борьбе с коррупцией в сфере образования. Страна получила свободную от коррупции и одну из самых передовых в Европе систем приема в вузы. Одновременно началась и реформа преподавания в вузах, призванная оптимизировать весь учебный процесс и освободить вузы от возглавляемых бывшими ректорами коррумпированных групп. Этот процесс был осуществлен летом 2005 года и он сопровождался накалом страстей и ожесточенной борьбой между сторонниками и противниками реформы, но все же к сентябрю завершился сменой системы управления во всех государственных вузах.

Согласно организации Международная Прозрачность, коррупция по-прежнему оставалась фактором, тормозящим экономическое развитие Грузии, хотя по индексу восприятия коррупции Грузия достигла значительного успеха.

После Революции Роз новое правительство Грузии сделало борьбу с организованной преступностью одним из своих национальных приоритетов. С 2004 года массированный натиск на криминальные структуры привел к значительному понижению уровня преступности в стране. Более того, принятие в 2005 году *Закона об организованной преступности и рэкете* дало возможность правоохранительным органам не только арестовать десятки «воров в законе», но

и осуществить конфискацию их собственности. В соответствии с этим законом, сама принадлежность к институту «воров в законе» как преступной структуре подлежала уголовному наказанию сроком не менее 6 лет, к 2018 году срок наказания для «воров в законе» был увеличен до 15 лет.

В настоящее время грузинские «воры в законе» или находятся в тюрьмах, или же скрываются в других странах. Фактически, института «воров в законе» в Грузии более не существует в той форме, в которой он просуществовал с начала советской власти в 1920-х до середины 2000-х годов. В результате успешного осуществления анти-коррупционной реформы в правоохранительных структурах, грузинские «воры в законе» потеряли свой имидж «всесильных». Более того, они потеряли контроль и влияние в тюрьмах, которые им удавалось контролировать в течение десятилетий. Изоляция «воров в законе» от общества, совместно с конфискацией их движимого и недвижимого имущества и финансов, привели к потере их влияния как в преступной среде Грузии, так и в более широких слоях населения, особенно среди молодежи.

Законодательство было ужесточено и в отношении мелких преступлений. Например, нарушитель может быть подвергнут тюремному заключению сроком до 10-15 лет даже за такое мелкое преступление, как кража мобильного телефона. В результате, за последние годы уровень мелкой преступности в стране существенно понизился, хотя жесткие, а иногда жестокие методы борьбы с этим видом преступности явились предметом яростной критики со стороны противников таких методов, включая защитников прав человека.

Однако, революционные методы реформирования страны не распространились на усиление мер по защите свобод и политических прав человека, и страна по рейтингам свободы оставалась в ряду полусвободных стран. В итоге, на очередных парламентских выборах 2012 года, а затем и президентских выборах 2013 года, правящее Единое Национальное Движение потерпело поражение, а к власти пришла политическая коалиция «Грузинская Мечта». На этом этапе, огромным достижением Грузии явилось то, что впервые в постсоветский период, власть в стране сменилась в результате свободных и справедливых выборов, а не в результате государственного переворота или революции, что в 2012 году резко приблизило ее к странам с демократическим правлением. Однако, приход новой политической силы к власти демократическим путем не означает, что эта новая сила обязательно продолжит восхождение страны на олимп демократии. Как показали последующие шесть лет правления «Грузинской Мечты», в особенности президентские выборы 2018 года, в стране воцарился неформальный, олигархический стиль правления, при котором все три ветви власти, а также спецслужбы находятся под контролем одного олигарха, один за другим возникают новые коррупционные скандалы, происходит девальвация национальной валюты, уровень доходов населения резко падает, суды и правоохранительная система по-прежнему зависят от правящей политической силы, а выборы фальсифицируются путем подкупа, шантажа и запугивания избирателей. В связи

с президентскими выборами 2018 года в Грузии, в заявлении Государственного Департамента США прямо указывается на недопустимость злоупотребления государственными ресурсами в целях партийной агитации, и что эти действия не согласуются с приверженностью Грузии к проведению справедливых и прозрачных выборов. Госдепартамент призвал власти Грузии устранить эти недостатки¹³. Миссия наблюдателей от ОБСЕ тоже подвергла эти выборы жесткой критике, заявив, что в избирательной кампании имели место случаи злоупотребления административными ресурсами и объявление серии социальных и финансовых инициатив, в частности облегчение бремени задолженности для 600 000 человек со стороны частного финансового учреждения, связанного с председателем правящей партии, олигархом Бидзиной Иванишвили. По мнению миссии ОБСЕ, эти инциденты и участие высокопоставленных государственных чиновников из правящей партии в избирательной кампании размывали линию между государством и партией. Сбор данных избирателей и картирование политических предпочтений в совокупности с отслеживанием избирателей в день выборов, вызвали озабоченность по поводу возможности запугивания и способности избирателей голосовать без страха перед возмездием, как это предусмотрено обязательствами перед ОБСЕ, Советом Европы и другими международными стандартами¹⁴. Такой жесткой критике не подвергались предыдущие президентские и парламентские выборы, начиная с 1990-х годов.

Таким образом, за период с 1991 по 2018 годы в целом Грузия совершила серьезный отход от тоталитаризма и авторитаризма в сторону либеральной демократии. Однако, в последние годы она все больше приближается к клептократической форме правления и отдаляется от демократического устройства.

Аннотация: Нынешний кризис в странах либеральной демократии – это не кризис самой либеральной демократии, а только результат ее не готовности противостоять огромным волнам мигрантов, беженцев, антизападной пропаганды и дезинформации, вмешательства в демократические выборы, террористических и хакерских атак, и транснациональной организованной преступности, которые обрушились на нее из недемократических стран. Это не означает, что наступил конец демократии и триумф авторитаризма. Термины «нелиберальная демократия», «суверенная демократия» или «социалистическая демократия» являются, по существу, формами словоблудия, они лишь прикрывают различные формы авторитаризма или тоталитаризма

¹³ Heather Nauert, Department Spokesperson, Washington, DC, *Georgia's 2018 Presidential Election*, November 30, 2018, US Department of State. Retrieved on November 30, 2018 from: <https://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2018/11/287714.htm>

¹⁴ *International Election Observation Mission Georgia – Presidential Election, Second Round, 28 November 2018, Statement of Preliminary Findings and Conclusions. Preliminary Conclusions*. Retrieved on November 30, 2018 from: <https://www.osce.org/odihr/elections/georgia/404642?download=true>

и, несмотря на заявления их политических лидеров, не имеют ничего общего с принципами демократии и свободы личности.

Несмотря на нынешний кризис в странах либеральной демократии и критику Европейского Союза, Грузия твердо стоит на позициях европейской и евроатлантической интеграции, ставя в качестве конечной цели полный вход в Европейский Союз и НАТО. С 1991 по 2018 год Грузия совершила существенную трансформацию от тоталитаризма к либеральной демократии. Однако, в последние годы она все больше приближается к олигархическому и клептократическому способу правления и уходит от демократии.

Ключевые слова: демократия, демократизация, политическая трансформация, Грузия

Demokracja i transformacja polityczna w Gruzji (1991–2018)

Streszczenie: Obecny kryzys w krajach liberalnej demokracji nie jest kryzysem samej liberalnej demokracji, a jedynie wynikiem jej nieprzygotowania przed ogromnymi falami migrantów, uchodźców, antyzachodnią propagandą i dezinformacją, ingerencją w demokratyczne wybory, terrorystami oraz atakami hakerów i międzynarodową przestępczością zorganizowaną, które pochodzą z krajów niedemokratycznych i uderzyły w nią. Nie oznacza to, że nastął koniec demokracji i triumf autorytaryzmu. Określenia: „demokracja nieliberalna”, „demokracja suwerenna” lub „demokracja socjalistyczna”, są zasadniczo formami słownictwa, ukrywają jedynie różne formy autorytaryzmu lub totalitaryzmu i, pomimo oświadczeń przywódców politycznych, nie mają nic wspólnego z hasłami: „demokracja” i „wolność jednostki”.

Pomimo obecnego kryzysu w krajach liberalnej demokracji i krytyki Unii Europejskiej, Gruzja zdecydowanie stoi na stanowisku integracji europejskiej i euroatlantyckiej, ustanawiając jako ostateczny cel pełne wejście do Unii Europejskiej i NATO. Od 1991 do 2018 r. Gruzja dokonała zasadniczej transformacji z totalitaryzmu w kierunku liberalnej demokracji. Jednak w ostatnich latach coraz bardziej zbliża się do oligarchicznego i kleptokratycznego sposobu rządzenia i odchodzi od demokracji.

Słowa kluczowe: demokracja, demokratyzacja, transformacja polityczna, Gruzja

Democracy and Political Transformation in Georgia (1991–2018)

Abstract: The current crisis in the countries of liberal democracy is not a crisis of the liberal democracy itself, but only a result of its unpreparedness against the huge waves of migrants, refugees, anti-Western propaganda and disinformation, interference in democratic elections, terrorist and hacker attacks, and transnational organized crime that came from undemocratic countries and have struck it. It does not mean that the end of democracy and the triumph of authoritarianism have come. The terms “illiberal democracy”, “sovereign democracy” or “socialist democracy” are essentially forms of verbiage, they only cover up various forms of authoritarianism or totalitarianism and, despite the statements of their political leaders, have nothing to do with the principles of democracy and the freedom of the individual. Despite the current crisis in the countries of liberal democracy and criticism of the European Union, Georgia stands firmly on the positions of European and Euro-Atlantic integration, setting as the ultimate goal the full entry into the European Union and NATO. From 1991 to 2018, Georgia made essential

transformation from totalitarianism towards liberal democracy. However, in recent years, it is increasingly approaching the oligarchic and kleptocratic way of government and moving away from democracy.

Keywords: democracy, democratization, political transformation, Georgia

Источники литературы

Fukuyama F., *History Is Still Going Our Way*, "The Wall Street Journal", October 5, 2001. Retrieved on October 19, 2018 from: http://englishmatters.gmu.edu/issue6/911exhibit/emails/fukuyama_wsj.htm

Heather Nauert, Department Spokesperson, Washington, DC, *Georgia's 2018 Presidential Election*, November 30, 2018, US Department of State. Retrieved on November 30, 2018 from: <https://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2018/11/287714.htm>

Huntington S., *Democratization in the Late 20th century*, Norman: University of Oklahoma Press, 1991.

International Election Observation Mission Georgia – Presidential Election, Second Round, 28 November 2018, Statement of Preliminary Findings and Conclusions. Preliminary Conclusions. Retrieved on November 30, 2018 from: <https://www.osce.org/odihr/elections/georgia/404642?download=true>

Kukhianidze A., Kupatadze A., Gotsiridze R., *Smuggling Through Abkhazia and Tskhinvali Region of Georgia*, Tbilisi: TraCCC-Caucas Office, 2004.

NDI polls: 72% of Georgians approve EU membership, 64%-NATO, Information Agency Agenda.ge, 16 Jan 2018. Retrieved on October 10, 2018 from: <http://agenda.ge/en/news/2018/95>

Prime Minister Viktor Orbán's Speech at the 25th Bálványos Summer Free University and Student Camp, July 30, 2014. Retrieved on August 16, 2018 from: <http://www.kormany.hu/en/the-prime-minister/the-prime-minister-s-speeches/prime-minister-viktor-orban-s-speech-at-the-25th-balvanyos-summer-free-university-and-student-camp>

Puddington A., *Breaking Down Democracy: Goals, Strategies, and Methods of Modern Authoritarians*, Freedom House Report, June 2017. Retrieved on September 14, 2018 from: https://freedomhouse.org/sites/default/files/June2017_FH_Report_Breaking_Down_Democracy.pdf

Tharoor I., *The man who declared the 'end of history' fears for democracy's future*, "The Washington Post", February 9, 2017. Retrieved on October 3, 2018 from: https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2017/02/09/the-man-who-declared-the-end-of-history-fears-for-democracys-future/?utm_term=.3b8db6304e1f

Политология. Словарь, *Суверенная демократия*. Вебсайт: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/politology/2793/Суверенная> (Просмотрено 16 августа 2018 года).